

Мартовская погода всё ещё несла в себе холод, а небо, темнея, вот-вот прольётся дождём. По дороге спешили прохожие, торговец мелочью с лотка ворчал, что небеса не благоволят, и собирался домой, но всё же надеялся на последнего покупателя и нарочно не торопился. Жаль, молитвы его не были услышаны: до самого конца никто не остановился. Делать нечего — поплёлся торговец в свой дом на западной окраине, думая о малой дочке. На губах его дрогнула тёплая улыбка.

По пути, проходя мимо лапшичной, он вспомнил, что дочка обожает здешнюю лапшу. Не сдержался, крикнул хозяину:

— Порцию лапши с собой! Миску потом верну.

Хозяину было лет сорок, но годы давали о себе знать: виски уже седели. Тот улыбнулся:

— Ладно, подожди малость.

Он сам здешний, ремесло перенял от отца, кормился им больше двадцати лет. Но сегодня за работу взялся не он, а паренёк. Тому на вид не больше десяти, глаза тёмные, лицо бледное, совсем без детской живости, а будто тенью покрыто. От этого и облик казался странным. Торговцу это не понравилось, он наклонился к хозяину:

— Дочка твою лапшу любит. А этот юнец не испортит твоё имя?

Хозяин рассмеялся, даже морщины на лбу разгладились:

— Ничего, ничего. У парня талант. Если что — новую бесплатно сварю.

Услышав это, торговец успокоился. От нечего делать принялся жаловаться на погоду. Хозяин утешил:

— Луна за ночь меняется, а уж погода и подавно не может каждый день радовать.

Тем временем парень подал лапшу. Шёл он удивительно плавно, и хоть лицо было безжизненным, в движениях сквозила особая стать. Лапша же выглядела на редкость аппетитно. Торговец довольно хмыкнул, оставил деньги, взял миску и пошёл. Дорогой всё ломал голову: парень хоть и мал, а лицо будто знакомое. Дом его был близко. Дома жена за ткацким станком, ребёнок у окна играет. Увидев отца, девочка залопотала, так мило, что сердце радовалось. Торговец поставил миску, взял бамбуковые палочки. Жена, видя, что дочка ест неумело, бросила работу и принялась кормить её сама. Девочка, откусав, склонила голову:

— На вкус не совсем как раньше, но тоже вкусно! Это тот братик готовил?

Торговец удивился:

— Ты уже пробовала, что он делает?

Жена ответила:

— Как-то раз она очень просилась, вот я и привела. Как раз он и работал. Ей понравилось.

В голосе её слышалась грусть. Торговец спросил:

— А что с тем парнем?

Жена вздохнула:

— Муж, да ты что, не узнал? Это же второй господин из Павильона Линфан.

Торговец остолбенел:

— Но ему же тринадцать должно быть! А я видел мальчика, ему и десяти нет.

Жена покачала головой:

— Отец не жалуется, матери нет... Вот и живёт как придётся.

Стемнело. Янь Ся вернулся домой через чёрный ход, полу кафтана от дождя промокли. Привратник, выдавший виды, даже бровью не повёл — привык, что второй господин шатается где попало. Лишь бы не потерялся. Да и, честно говоря, в этой глуши никто бы Янь Ся и тронуть не посмел. Хоть и тщедушен, а сила в нём недюжинная. Да и в глазах людей он был просто дурачком, отцом не любимым, так что обижать его никому в голову не приходило. Мать его была законной женой, но здоровьем слаба была, при родах умерла, сына одного оставив.

Хоть и законный наследник, а с братом от другой жены да с наложницами не соперничал. Так и рос тихо, книжки читал, в повара подался. Обиды мимо сердца шли, пересуды мимо ушей — будто его это и не касалось. Казалось, так и проживёт всю жизнь, глухим ко всему. Наложницы, видя такое, даже интриговать перестали — лишь бы три раза в день кормили, с голоду не помер. Но сколько ни ел Янь Ся, всё худым да щуплым оставался, будто никогда не наедался. Потом наняли учителя. Тот поначалу, видя его слабость, опекал, но Янь Ся, сам того не желая, учителю руку сломал — и прогневал его. Хоть и не чувствовал, что силу приложил, объясняться не стал. С тех пор его окончательно оставили в покое, и он погрузился в праздность.

Потом так вышло, что подался в ученики к лапшичнику. Иногда Янь Ся думал: а ведь и неплохо — лапшу варить всю жизнь. В мыслях мелькнул чей-то образ... он хотел бы о ком-то заботиться всю жизнь. Янь Ся нахмурился: в голове возник незнакомец, кого он и не знал вовсе.

Он тряхнул головой, пытаюсь вспомнить больше, но память, словно утренняя роса под солнцем, растаяла без следа. В конце концов он лёг спать.

Едва задремав, Янь Ся почувствовал неладное: дышать стало трудно, воздух будто пропитался чем-то едким, вызывающим кашель. Он резко открыл глаза. Перед ним — фигура в чёрном, с большим ножом в руке. Янь Ся бесстрастно произнёс:

— Завтра только лапшу продавать начну. Спать мешаешь.

Убийца смотрел на него, будто на диковинное существо. Но быстро опомнился и взмахнул ножом. Янь Ся, почуяв смерть, кувыркнулся с постели, ухватил убийцу за ногу и изо всех сил дёрнул. Смертельного удара он избежал, но лезвие рассекло спину — кровь тут же залила одежду. Убийца, сбитый с ног, опешил: не ждал он от мальчишки такой силы. Всё-таки сам тридцать лет тренировался, вдвое дольше, чем тот прожил. Но, старый волк, быстро в себя пришёл. У Янь Ся оружия не было, да ещё и ранен. Решил прикончить быстро, однако мальчик оказался проворнее. Убийца лишь мелькнувшую тень увидел, как левая рука Янь Ся с хрустом сломала ему шею. Бездыханное тело замерло, в глазах — немое неверие.

Янь Ся поднялся. От потери крови в глазах потемнело, сердце колотилось, готовое выпрыгнуть

из груди. Всё вокруг плыло, но звуки за пределами двора слышались с неестественной чёткостью. В конце концов он не удержался и рухнул, теряя сознание. В последний миг ему привиделись две фигуры — чёрная и белая.

Чёрная сказала:

— Срок его ещё не пришёл, душу забрать не можем.

Белая ответила:

— Боюсь, даже если придёт — не сможем. Вези-ка слуг сюда, а не то нам хуже будет.

Последнее, что услышал Янь Ся, был этот разговор и испуганный крик служанки.

Не знал Янь Ся, сколько проспал. В комнате было полутемно, но слабый свет пробивался — наверное, утро. Рядом слышалось тихое дыхание: служанка, видно, у кровати задремала. С трудом открыв глаза, он почувствовал жгучую жажду и прохрипел, едва выговаривая слова:

— Воды...

Служанка, спавшая чутко, тут же встрепенулась, поднесла чашку с водой, а потом закричала:

— Второй господин очнулся!

Янь Ся поморщился от шума, но тут явились гости ещё шумнее — отец, мачеха, лекарь, слуги. Маленькая комната набилась битком, гомон стоял невообразимый. Разыгралась сцена сыновней почтительности и отцовской заботы, лекарь принялся щупать пульс. Янь Ся слабо приподнялся, чувствуя себя посторонним, случайным зрителем.

<http://bllate.org/book/16277/1465351>